

А. КЕЛЕССИДУ

КРИЗИС ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФСКИЕ ЦЕННОСТИ ГРЕЦИИ

Введение

В течение десяти лет предметом моей критики в выступлениях на философских конгрессах и в моих исследованиях является мнение, что Философия задвинута различными областями – сциентизмом, отдельными областями знания и т. д. – «в мертвый угол истории» (Вильгельм Веисшедель). Моя точка зрения заключается в том, что движение Философии происходит через преодоление кризисов, в том, что любое мнение о «конце философии» и рассуждения о постфилософской эпохе лишь подчеркивают основательность философской рефлексии.

Моя статья имеет двоякую цель: а) прежде всего я попытаюсь прояснить понятие кризиса, трактуя его относительно с историчностью познания и различными науками; б) затем я обращусь к анализу некоторых диахронических ценностей греческой философии.

Любое использование понятия кризиса по отношению к духовной деятельности намечает три проблемы или вопроса, требующих решения:

1. Что не является кризисом?
2. Что формирует кризис и как он соотносится с фундаментальными изменениями, которые его вызывают?
3. Каковы перспективы и возможности преодоления кризиса?

А. Сегодня, пройдя через ужас двух мировых войн, через участие в политических волнениях, после развития общественных наук и наук в целом, мы более не имеем права рассуждать в геге-

левском стиле и проводить различие между обыденными и обывательскими интересами повседневного существования и превосходством внутренней жизни разума, чистой науки. Более нельзя с полным правом понимать кризис философии на свой лад, то есть трансформировать социально-политические проблемы в проблемы философские. Тем более нельзя равнодушно созерцать несправедливость реальности под предлогом того, что любое усилие, направленное на изменение трагического характера истории, приведет лишь к ухудшению положения.

Изменения, касающиеся приоритетов разума, также подвержены кризисам, поскольку познание исторично. Это, к примеру, объясняет уход метафизики как философского течения на второй план в момент великого расцвета позитивно ориентированных наук, так же как и исчезновение утопических теорий в момент, когда реальность требует конкретных решений социальных проблем. Возможно, то, как Декарт представлял себе Философию – дерево, корни которого метафизика, ствол – физика, а ветви – остальные науки, может показаться нам скорее поэзией. Также очевидно, что философское отшельничество более не совместимо с нашими потребностями. Наконец, ясно, что развитие научного разума, которое своим характером точности ограничивает круг рассматриваемых вопросов и явлений, оказывает в большой мере свое влияние на способ философского вопрошания.

Тем не менее лишь догматическое мышление (известно, что догматизм всегда лежал в основе духовных кризисов) могло бы поставить под сомнение любую активность со стороны метафизики как не совместимую с актуальными целями, так же как и любую личностную установку, хотя *он* и не является ныне способом мышления крупных основателей философских систем. Возможно, сегодня философия не соответствует ее пониманию Платоном как «учения о смерти»; но нельзя запретить задумываться о смерти, задавать себе, к примеру, такой вопрос: опровергает ли реальность смерти и человеческое вопрошание перед ее лицом высказывание Маркса: «Человечество ставит себе лишь те задачи, которые оно может решить»?

Действительно, философия никогда не выступала порукой спасения человечества (в этом ее отличие от религии); она не обещала

надежды, не давала какого-либо утешения; но она всегда считала себя обязанной защищать свободу, в юридическом смысле слова. «Философствовать» означает: принимать во внимание право говорить и обязанность ведения диалога. Диалог превращает слово в действие, желание, приспособленное к устремлению, если только логос освобожден (насколько возможно) от психологических и идеологических мотивов, и в той мере, в которой само стремление к демотивации сознания не внушает сомнения.

Известно предание, согласно которому Анаксагор и Демокрит, «подчиняясь желанию полностью сблизиться с философией», «под влиянием философской страсти» отказались от ведения хозяйства. Конечно, наша эпоха не благоприятна для таких поступков. Она не приняла поэтическую восторженность Горация, который был поражен, увидев Демокрита (позволившего своему стаду пастись в полях), в то время как его разум быстрой поступью, блуждая, далеко удалился от телесных забот.

Слишком большое значение, придаваемое практике, характеризующее нашу эпоху, не означает, что философская мысль и действие несовместимы. Говоря словами Хоркхаймера: «Тот факт, что теория может прибегнуть к обветшавшему идеализму и ослабнуть или стать неясной в бессмысленной и утомительной болтовне, не означает, что сами ее формы являются основополагающими; и исторический опыт человечества всегда может достигнуть новых высот». Эти позиции являются попыткой сохранить за философией место диалектической теории целого и всеобщей критики реальности.

Прогресс частных наук с начала века способствовал подрыву философской рефлексии, и философию начали сравнивать с Королем Лиром, который, раздав все свое богатство дочерям, оказался вынужден, нищенствуя, скитаться в бурю всю оставшуюся жизнь (Виндельбанд).

Однако подобное отношение к философии возникло вследствие:

а) ошибочной трактовки философского метода. В отличие от науки, которая не может рассматривать в качестве объектов исследования универсум в целом, Бога, человечество и т. д., философия способна задаваться подобными вопросами. Если обратиться к

Платону, который говорит об этой способности языком аксиологии, то мы увидим, что он отличает философские сущности от всех других не философских и говорит о том, что душе философа «предназначено вечно стремиться к божественному и человеческому в их целокупности» (Государство, 486а, а также Тимей, 173е). Помимо этой универсальности, философия должна (и имеет такую возможность) подвергаться критике, без конца пересматривать свои формулировки и положения, дабы избежать расхождения реального действия с некоторыми великими принципами, нуждающимися в редактировании реальной жизнью людей;

б) во-вторых, поскольку философия признала современное значение науки, большое число выдающихся ученых уже подтвердили вклад философской рефлексии в углубление положений научного мышления. Кроме того, после разрыва физикой своих связей с философией природы, спекулятивная философия стала научной теорией. Вопрос: «Как возникла наука?» – не был поставлен историей, а возник из области философской мысли. Известно, что с развитием космической науки встал правовой вопрос. Новоприобретенные знания и научные открытия, такие как клонирование, породили этические проблемы, которые требуют вмешательства философского сознания;

в) третье замечание касается поражения сциентизма при попытке подтверждения данных, полученных в результате практических исследований исторических и общественных наук. Философия идет по пути критики объективистской концепции, которую науки создали для себя, и ее мыслящий взор наблюдает за научным прогрессом;

г) современный эмпиризм – враг метафизики и любого философского мышления, не поддающегося экспериментальной проверке, – сводит любую исследовательскую логику к логике математической, а тематику, метод мышления – к эпистемологической теории и неминуемо попадает в порочный круг. В качестве примера я приведу Поппера, который, несмотря на свое пренебрежительное отношение к дефинициям, соглашается с тем, что все теории являются гипотезами (это означает, что они могут быть опровергнуты), и утверждает, что предлагает не отказ от поиска истины, а отказ от попыток объяснения открытия и доказательства его необ-

ходимости. Таким образом, экспериментирование сводится к поиску истины путем исключения ложного.

Мне кажется, что пришло время еще раз обратиться к греческой мысли. Я процитирую Демокрита, философа, который «был подобен совершенному атлету», «который скорее бы предпочел найти одну причинную связь, нежели стать королем персов», и который считал долгом «излагать истину». Также я сошлюсь на Платона, считавшего характерной чертой философа «правдивость, решительное неприятие какой бы то ни было лжи, ненависть к ней и любовь к истине» (Государство, 485с.).

Греческой мыслью, античной и современной, познание – цель научной деятельности – понималось как неразрывно связанное с мудростью (*phronesis*). Известно, что в Греции Философия, прежде чем стать учением, теорией познания, была этосом (*ethos*), образом жизни, логосом, содержащим моральное действие, а слово «*философ*» первоначально было именем прилагательным (так свидетельствует 35-й фрагмент сочинений Гераклита), до того как оно начало обозначать человека, занимающегося философской профессией, то есть обозначало качественное состояние. «Философствовать» значит: «любить знание (*sophon*)», то есть говорить, исходя из логоса – разума, который властвует над всем, а не из частичного и мимолетного. Философ-диалектик свободен; он находится в состоянии постоянного диалога с реальностью, пытаясь своим всеохватывающим взором выявить новые проблемы. Вспомним также, что «*sophia*», в греческом смысле этого термина, подразумевает теоретическую интерпретацию мира и способ соответственного отношения к жизни. И даже термин для обозначения жизни «*bios*» появился, чтобы отделить биологическую реальность, в которой кризисы могут быть проанализированы и преодолены различными дисциплинами – медициной, экономикой и т. д., от аксиологической реальности, в которой «*sophia*» была теорией достоверности и которую греки всегда понимали соотносительно с полисом, то есть с совместным существованием. Такова была цель «*пαιδεία*», понятие, которое, равно со своим греческим значением, объединяло в себе гносеологию и мораль. Для Древней Греции кризис философии всегда шел рука об руку с кризисом жизни в целом, будучи последствием изъянов в области образования, отсутствия чувства меры на

уровне общества, неуважения власти достойных и особенно принципа «невмешательства в дела других» (*oikeiopraxia*). Предписание Аристотеля «жить счастливо» (Политика, книга 7, 13), адресованное индивиду и обществу в целом, имея целью качество совместного существования, предполагало неустанный интерес к вопросам морального порядка.

Философский образ жизни, рожденный греческой античной мыслью, сформулирован в двух максимах Гераклита: «Необходимо следовать тому, что является общим для всех», «Необходимо, чтобы те, кто говорит с пониманием, опирались на такое общее для всех, как закон полиса и на еще более общее». Этот способ мышления, воплощенный Сократом, основывался на принципе, который навсегда связан с его именем: «Не позволять убеждать себя ничем, кроме как доводами разума, признанными лучшими доказательствами» (Критий, 46b). Подобному убеждению следовал и Аристотель: «Мы разрешаем начальствовать не человеку, а слову [закона] (логос)» (Никомахова этика 10 1135 а 35).

Эпилог

Если философия всегда настаивает на том, что она способна создать новые понятия и категории, адекватные требованиям сегодняшней реальности, в то же время не прекращая черпать силы в философском дискурсе прошлого, мы имеем право думать о ее настоящем и будущем, обращаясь к философскому прошлому Греции. Это прошлое, наследием которого являются такие ценности гуманистической культуры, как логос – разум и мудрость, любовь к истине, праву и справедливости, к деятельности, присущей каждому, к человеку, понимаемому как личность в демократическом обществе, к мере – золотой середине между избытком и недостатком, может служить основой для настоящего и будущего не только философии в Греции, но и во всем мире.